

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА ОТКАЗЫВАЛАСЬ ПОКИДАТЬ РОССИЮ,
НЕ ВЕРЯ В ГИБЕЛЬ СЫНА, ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

В

Во время Гражданской войны из 60 представителей дома Романовых, царствовавшего в России на протяжении трех с лишним веков, погибли 19 человек, включая последнего императора Николая II и его семью. Среди уцелевших — те, кто на переломе Истории оказался в Крыму. В том числе вдовствующая императрица Мария Федоровна. Узников усадьбы Дюльбер спас матрос Филипп Львович Задорожный, личность которого до сих пор остается загадкой для историков («Царское дело комиссара Задорожного», «Родина» № 10, 2022).

Продолжаем тему рассказом о матери последнего российского императора.

Два сына

В конце марта 1917 года Мария Федоровна с дочерью Ольгой, ее мужем полковником Николаем Куликовским, мужем второй дочери Ксении великим князем Александром Михайловичем переехала из Киева в Крым. Великая княгиня Ксения Александровна со своими тремя старшими сыновьями прибыла сюда из С.-Петербурга вместе с семьей Юсуповых немного позже. В Крыму вдовствующая императрица находилась до апреля 1919 года, сначала в Ай-Тодоре, затем в Дюльбере и Хараксе, — практически под домашним арестом. Но сообщения о постоянных арестах и убийствах доходили до нее. Каждый Божий день она ждала известий о сыновьях...

О судьбе Михаила — великого князя Михаила Александровича (16/29 июня 1918 года он был убит в Перми) с конца 1917 года она не знала ничего. От Николая II и его дочерей, хотя и редко, в Крым приходили письма. Последние — 21 февраля и 14 апреля 1918 года.

А в ночь с 16 на 17 июля сын со всей семьей и слугами был расстрелян в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

Молоко для Ники

17 июля Мария Федоровна встала рано. Прошла по дюльберскому саду, было светло и дул ветер. Ненадолго захала дочь Ксения, привезла человека, прибывшего от Ники. «Он, — писала Мария Федоровна, — такой трогательный, рассказывал обо всем, возмущался, как с ними, беднячками, обращаются. И никто не в силах помочь им или освободить — только Господь Бог! Дом с двух сторон окружен высокими стенами, из-за которых ничего не видно. У них почти совсем нет еды. Правда, им помогают монашки, приносят пять бутылок молока и другие продукты...»

Она верила, что сын жив. Но в ночь на 18 июля всю ночь не сомкнула глаз.

19 июля в первую половину дня произошло весьма неожиданное, прямо мистическое событие. После завтрака откуда ни возьмись появились цыгане и стали приставать к Марии Федоровне с гаданием. «Они, — писала императрица в дневнике, — желали непременно погадать мне, и, хотя я отказывалась, одна из них уже успела разложить карты и стала требовать денег». Напуганная Мария Федоровна позвала на помощь адмирала Вяземского. Ему удалось прогнать цыган. Вяземский был очень разгневан, но вместе с тем и напуган. По всей вероятности, он тоже почувствовал что-то неладное...

А 21 июля отовсюду стали поступать с невероятной быстротой слухи об убийстве царя и его семьи. «Распространяются страшные слухи о судьбе нашего любимого Ники. Не могу и не хочу им верить, но просто не представляю, как я смогу вынести такое напряжение!.. В 4 часа поутру встретила с Орловым. На его взгляд,

все эти ложные известия распространяются специально. Дай-то Бог!»

29 июля Мария Федоровна посетила местную церковь.

1 сентября 1918 года через врача Астраханской армии пришло новое сообщение: «Ники находится в безопасности». Взволнованная этой новостью, Мария Федоровна радостно записала в дневнике: «Слава и вечное благодарение Господу!»

От врача Всеволожского Мария Федоровна узнала, что он приехал в Крым с особым за-

данием — заручиться согласием Олашки (так Мария Федоровна называла Николашу, великого князя Николая Николаевича. — Авт.) «возглавить их великое предприятие». «Это, — писала Мария Федоровна, — последняя надежда, и действовать надо немедленно, не теряя времени». Но тут же с сомнением заметила: «Я боюсь, что он не возьмет это на себя, не захочет ни во что вмешиваться, хотя это нужно делать, чтобы спасти страну и бедного Ники. Господи, насталь и вдохнови его на это!»

*1
Вдовствующая императрица Мария Федоровна. 1908 год.

*2
Мария Федоровна с детьми. 1889 год.

Отказ немцам

24 сентября 1918 года пришло сообщение, что германский император Вильгельм предложил приостановить военные действия и начать мирные переговоры. «Я, — писала извостуженная императрица, — находилась в таком душевном состоянии, что даже не смогла порадоваться за других, ибо полагала, что ни нам, ни нашей несчастной стране уже ничто не поможет! Напротив, я расплакалась — к своему стыду».

1 октября до Дюльбера долетело новое известие: германское правительство приняло условия, выдвинутые американским президентом

себя предпринимать какие-либо действия». В этом Мария Федоровна была с ним согласна.

В те же дни в Крым из Сибири возвратился капитан Павел Булыгин с сообщением об убийстве царя и его семьи.

Но мать не верила никаким сообщениям.

Отказ англичанам

3 ноября 1918 года в Крыму был создан специальный отряд для охраны императрицы. Большая роль в его организации принадлежала капитану Павлу Булыгину. Для этого он посетил штаб Добровольческой армии в Екатеринодаре,

В ОКТЯБРЕ 1918 ГОДА НЕМЕЦКИЕ ВОЙСКА ПОКИДАЛИ КРЫМ. ГЕРМАНСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРЕДЛОЖИЛО ИМПЕРАТРИЦЕ ПОМОЩЬ. ТА КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТКАЗАЛАСЬ УЕЗЖАТЬ ИЗ РОССИИ

Вильсоном. «Какое, наверное, сейчас ликование повсюду — и только нам, я уверена, — никаких улучшений это не сулит».

Немецкие войска покидали Крым, обстановка на полуострове резко обострилась. Германское командование предложило императрице помощь. Та категорически отказалась уезжать из России. «После моего отказа покинуть Крым немцы заявили, что останутся охранять нас до прихода союзников».

31 октября Марию Федоровну посетил немецкий полковник Бертольд и сообщил ей, что получил приказ об уходе войск из Крыма. В тот же день императрица отправилась в Дюльбер к великому князю Николаю Николаевичу, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Однако князь, по словам Марии Федоровны, «отказал-

где провел переговоры с генералами Драгомировым и Лукомским об оказании необходимой помощи в людях, деньгах и огнестрельном оружии. Вскоре последовало решение Деникина о предоставлении Булыгину возможности выбора пятнадцати офицеров и полковника. Помощь во всех других вопросах организации отряда возлагалась на генерала Лукомского. Отряд, который охранял дворец Дюльбер, где теперь проживал великий князь Николай Николаевич, насчитывал сначала шестьдесят офицеров. Под охрану сводно-гвардейского эскадрона под руководством Герасимкина были взяты также дворец Орканды, а Ливадия охранялась сводно-гвардейской ротой полковника Крота.

Через несколько дней к Севастополю подошли 22 судна Средиземноморской эскадры

*3
Дворец Дюльбер.
Крым.

*4
Мама и Ники.
1869 год.

держав Антанты. «Какая невероятная неожиданность, представь себе, у меня только что были английский флотский офицер и русский с письмом от английского адмирала из Константинополя, который сообщает, что твой дорогой Джорджи выслал Torpedo boat [торпедный катер] à ta disposition [в мое распоряжение]! — писала императрица Мария Федоровна сестре в Лондон. — Я глубоко тронута, но в настоящий момент полагаю, что нам нечего опасаться, только бы союзники пришли поскорее и вместе с нами смогли бы сломить большевиков. Бог даст, так и будет. Германцы оставили нас позавчера, и с тех пор охрану несут наши офицеры, которые стоят в карауле, словно рядовые, что весьма красиво и трогательно».

7 ноября Мария Федоровна приняла английского офицера, доставившего ей письмо от английского короля Георга V. «Я сказала ему, что чрезвычайно тронута и благодарна, но попросила отнестись с пониманием к моим словам. Я объяснила, что никакой опасности для меня здесь больше нет и что я никогда не смогу позволить себе бежать таким вот образом...»

12 ноября с визитом к императрице явился английский полковник Бойл, который прибыл в Ялту на небольшом румынском судне и привез императрице письмо от Марии Румынской (супруги короля Румынии Фердинанда I). Она настаивала на том, чтобы Мария Федоровна уехала с Бойлом на его судне в Румынию. «Какое это для меня мучение, ведь я уже однажды сообщила ей, что не собираюсь покидать Крым. Он (Бойл. — Авт.) говорил более часа. Но я осталась непреклонной, и тогда он спросил, может ли кто-то другой помочь мне перебраться туда, на что я ответила — никто».

Наступил декабрь 1918 года. Несмотря на утешительные сообщения с фронтов, Мария Федоровна по-прежнему отказывается покидать Россию. И продолжает ждать в Крыму своих сыновей и внуков.

Выбор императрицы

«...Ты, наверное, поймешь, как жалко мне покидать страну. В особенности теперь, когда после прихода союзников и нашей вновь созданной армии в Крыму положение действительно улучшилось, — писала Мария Федоровна сестре 24 декабря 1918 года из Харакса. — Ведь в прошлом году в отношении нас творился настоящий революционный произвол и насилие. Тогда действительно существовала опасность, но теперь все изменилось. И именно здесь, в Крыму, самое безопасное место, так говорят все, кто сюда приезжает».

И далее:

«...Мне стоило больших усилий не ответить, сразу же согласиться на твоё любезное приглашение и исполнить твоё желание видеть меня рядом с тобой, но ты должна понять мои чувства — целый год терпели мы издевательства и униже-

ния, и как же мне теперь, когда обстановка спокойная, оставить страну, ведь кто знает, может быть, я сюда больше никогда не вернусь. Никому неизвестно, как сильны мои терзания. Но мне кажется, я поступлю правильно, если останусь здесь и буду держаться до последнего. Я уверена, ты поступила бы точно так же, окажись ты на моем месте. В любом случае я глубоко благодарна тебе, моя обожаемая Аликс, за твою любовь и желание видеть меня у себя».

Увы, императрица безнадежно заблуждалась...

Наступил 1919 год. Запись в дневнике императрицы: «Господи, пусть этот год окажется луч-

ше и светлее предыдущего!» Но он оказался еще страшнее...

«Пришел Долгорукий и рассказал, что людей продолжают убивать, точно это стало самой обыденной вещью. Ведь никакой полиции больше нет, а потому сразу начинают распускать слухи, что это дело рук офицеров. Тем самым людей настраивают против армии. Возмутительно, ведь так опять можно всё испортить. Печально, что никто против этого не выступает и ничего не предпринимает. Если бы нашлся человек, который железной рукой навел бы порядок и прекратил бы эту жестокость... только бы остановить эту жуткую гражданскую войну. Она — злейшая из всех зол».

В первых числах февраля 1919 года до Крыма докатились страшные слухи: в ночь на 29 ян-

*5
Реконструкция расправы над Николаем II. Французская газета Le Petit Journal illustre. 25 июля 1926 года.

варя в Петропавловской крепости большевики без суда и следствия расстреляли четверых великих князей — Николая Михайловича, Павла Александровича (его выносили расстреливать на носилках), Дмитрия Константиновича, Георгия Михайловича. Дмитрий Константинович умер с молитвой на устах, по свидетельствам тюремных сторожей он повторял слова Христа: «Прости им, Господи, не ведают, что творят...»

7 апреля Мария Федоровна получила с английского линкора «Мальборо», стоявшего на Ялтинском рейде, угрожающие известия о приближении к Крыму большевистских войск и необходимости немедленного отъезда из Крыма. В тот же день она записала в дневнике:

«7 апреля. День рождения любимой Ксении! Боже, спаси и сохрани ее! Сегодня два года, как мы приехали сюда, и вот я до сих пор нахожусь здесь! Тогда-то я думала, что проведу в этих краях несколько месяцев, а потом смогу вернуться домой в Петербург».

Необходимость внезапного отъезда подействовала на императрицу удручающе: «Я пребывала в полном смятении из-за того, что вот так внезапно нас, словно преступников, вынуждают сниматься с места».

Только сейчас, перед лицом неотвратимой смертельной угрозы, она сделала выбор.

Прощание

Ялтинский берег вызвал у Марии Федоровны тяжелые воспоминания, связанные со смертью в Ливадии в октябре 1894 года ее любимого мужа:

«...в последний раз я покидала это любимое место с нестерпимой болью в сердце от невозможной потери моего благословенного, обожаемого Саши...»

...Сейчас я тоже испытываю тяжелое, но к тому же еще и горькие чувства из-за того, что мне таким вот образом приходится уезжать отсюда по вине злых людей! Все это так возмущает меня, ведь я прожила здесь 51 год и любила и страну, и народ. Жаль! Но раз уж Господь допустил такое, мне остается только склониться перед Его волей и постараться со всей кротостью примириться с этим».

11 апреля 1919 года в 9 часов утра «Мальборо» вышел из Ялты и взял курс на Константинополь. В черном закрытом пальто, черной шляпе с любимой собачкой на руках стояла императрица и молча смотрела вдаль. «У меня сердце разрывалось при виде того, что этот прекрасный берег мало-помалу скрывается за плотной пеленой тумана и наконец исчез с нею с наших глаз навсегда».

Как вспоминали современники, Мария Федоровна еще долго смотрела на берег в бинокль, который держала у ее глаз внучка Ирина Юсупова.

В те же минуты из ялтинской бухты отходил еще один военный корабль. Выстроившиеся на палубе русские офицеры громким воинским приветствием отдали честь адмиралствующей императрице.

До самой своей смерти в 1928 году она не верила в гибель любимого Николая.

*6
Прощание. Борт британского линкора «Мальборо», 11 апреля 1919 года.

Ю.В. Кудрина. Дневники императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 гг.). Москва. Вагрус, 2005.
Ю.В. Кудрина. Мария Федоровна. ЖЗЛ. Москва. Молодая Гвардия, 2009.